

УДК 902 (902.26)/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.81.95>**Б.С. ЖУКОВ И ЕГО ЗАГРАНИЧНЫЕ КОНТАКТЫ**

©2023 г. Е.В. Детлова, С.В. Кузьминых, А.О. Наглер

Б.С. Жуков – один из немногих известных в Европе советских археологов. Однако международные контакты до поры остаются наименее изученной страницей его биографии. В статье рассматриваются два эпизода, относящиеся к этой теме. Первый связан с поездкой Б.С. Жукова в Берлин в 1929 г. и его выступлением на Международном археологическом съезде, посвященном 100-летию со дня основания Германского археологического института, а также с перепиской ученого с дирекцией этого института. Второй касается диалога Б.С. Жукова с немецким археологом Геро фон Мергарт. В рамках статьи впервые на русском языке публикуются ценные для истории науки документы: текст доклада Б.С. Жукова «Тарденуаз в Крыму. Неолит в Поволжье», напечатанный в сборнике материалов берлинского съезда в 1930 г., письмо ученого в дирекцию Германского археологического института, в котором он благодарит за избрание членом-корреспондентом Института и делает замечания относительно корректуры доклада, а также письмо Б.С. Жукова Г. Мергарту, которое сохранилось в личном архиве немецкого археолога в Марбургском университете.

Ключевые слова: археология, Б.С. Жуков, Геро фон Мергарт, советские археологи, Германский археологический институт, Международный археологический съезд в Берлине в 1929 г., Крым, Поволжье, тарденуаз, неолит.

B.S. ZHUKOV AND HIS CONTACTS ABROAD

E.V. Detlova, S.V. Kuzminykh, A.O. Nagler

B.S. Zhukov is one of the few Soviet archaeologists known in Europe. However, international contacts still remain the least studied page of his biography. The authors discuss two episodes related to this topic. The first one is connected with B.S. Zhukov's trip to Berlin in 1929 and his speech at the International Archaeological Congress, dedicated to the 100th anniversary of the founding of the German Archaeological Institute, as well as with the correspondence of the scientist with the administration of this institute. The second one concerns B.S. Zhukov's dialogue with the German archaeologist Gero von Merhart. Within the framework of article the documents valuable for the history of science are published in Russian for the first time: the text of B.S. Zhukov's paper «Tardenoise in the Crimea. Neolithic in the Volga region», published in the collection of materials of the Berlin Congress in 1930, a letter from the scientist to the administration of the German Archaeological Institute, in which he thanks for being elected a corresponding member of the Institute and makes comments on the proofreading of the report, as well as a letter from B.S. Zhukov to G. Merhart, that is kept in the personal archive of the German archaeologist at the University of Marburg.

Keywords: archaeology, B.S. Zhukov, Gero von Merhart, soviet archaeologists, German Archaeological Institute, International Archaeological Congress in Berlin in 1929, Crimea, Volga region, Tardenoise, Neolithic

О таких исследователях, как Борис Сергеевич Жуков (1892–1934), говорят: «ученый с европейским именем», «ученый мирового уровня». И действительно – он был одним из немногих русских и советских археологов, кто пользовался большим авторитетом на Западе. Несмотря на то, что о Жукове написано и сказано многое, его международное сотрудничество и связи с мировым научным сообществом остаются пока что одной из наименее изученных страниц его биографии. Не претендуя на то, чтобы осветить все связи Жукова с зарубежными коллегами, в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотре-

нием его контактов с немецкими учеными. При этом мы затронем два аспекта: первый можно назвать «институциональным», он касается отношений с научными учреждениями; второй – персональный или личностный – диалог Жукова с археологами Австрии и Германии.

В статьях о Жукове довольно редко упоминается членство Бориса Сергеевича в зарубежных научных обществах, например, тот факт, что в январе 1930 г. он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института. В центральном архиве Института сохранилось личное досье учено-

го. Эта «биографическая папка» довольно скромна и содержит следующие документы:

Машинопись от президента Германского археологического института Герхарда Роденвальда от 15.01.1930 об избрании Жукова членом-корреспондентом Института и с просьбой сообщить точные сведения о нем для изготовления диплома.

Рукописный ответ Жукова от 25.01.1930 с благодарностью за избрание и надеждой на продолжение сотрудничества.

Бумажный фрагмент, на котором рукой ученого написаны его личные данные (имя, место работы, адрес), – для анкеты, которую Институт рассылал всем новоиспеченным членам.

Рукописное письмо Жукова от 7.05.1930 (прил. 1).

Для того, чтобы понять, что предшествовало избранию Жукова членом-корреспондентом Германского археологического института и этой переписке, надо вернуться к эпизоду, когда Борис Сергеевич в 1929 г. вместе с другими советскими археологами был приглашен в Берлин.

Как справедливо заметил В.Ф. Генинг в своих «Очерках по истории советской археологии», «к концу 20-х – началу 30-х годов относится выход советских археологов на международную арену» (Генинг, 1982, с. 32). Одним из масштабных научных событий, в котором приняли участие наши ученые, был Международный съезд в Берлине, приуроченный к 100-летию Германского археологического института. В рамках юбилейных торжеств были организованы различного рода мероприятия. Подробнее о том, как проходил съезд, о его деловой и культурной программе, мы узнаем, во-первых, из заметки одного из приглашенных советских участников, известного антиковеда С.С. Дложевского (Дложевский, 1929), а также из сборника материалов съезда, изданного постфактум по его итогам. Программное заседание секции «Первобытная и древняя история Европы», которое проходило 22 апреля в Актовом зале Государственной библиотеки искусств (председательствовали Карл Шуххарт, граф Анри Бегуен и Освальд Менгин), в 4 часа пополудни открывал профессор Борис Жуков из Москвы докладом «Тарденуаз в Крыму. Неолит в Поволжье»¹. На выступление докладчикам было отпущено 30 минут – совсем немного, чтобы

представить высокому собранию результаты многолетних исследований.

Если сравнить берлинский доклад Жукова, его содержание и стиль изложения с другими научными публикациями ученого – глубокими, объемными, для которых свойственны скрупулезное описание и детальная проработка материала, то эти тексты существенно отличаются. Озвученный в Берлине доклад имеет более презентационный характер. Скорее всего, так и было задумано: выступления на съезде были нацелены на общее, схематичное и довольно поверхностное ознакомление иностранной аудитории с археологией обширной территории, страны или региона и не предполагали погружение в нюансы и своеобразие локальных исследований.

Даже при беглом знакомстве с докладом Жукова бросаются в глаза некоторые присущие как данной публикации, так и творчеству ученого в целом уникальные черты, например, свободное владение автором европейским материалом. Содержание изложено доступным и понятным даже дилетанту языком, но вместе с тем – профессионально, по существу, с аргументированным обоснованием каждого тезиса.

В соответствии с названием доклада «Тарденуаз в Крыму. Неолит в Поволжье» повествование распадается на две половины. Первая часть отведена мезолиту Крыма, вторая – более знакомой и более близкой Жукову теме верхневолжского неолита. В подходе к изучению и интерпретации самих памятников Борис Сергеевич остается верен принципам комплексного палеоэтнологического подхода к изучению в данном случае стоянок крымского нагорья (Балин-Кош, Ат-Баш и Юсуповской) и памятников Верхнего Поволжья и центра Русской равнины (Волосово, Балахна, Сейма, особенно пристальное внимание уделено исследуемым ученым на протяжении многих лет стоянкам Языково и Льялово).

В подробном анализе этой публикации нет необходимости, так как далее (прил. 2) следует ее полный текст (перевод с немецкого языка).

О каких правках в гранках статьи идет речь в письме Жукова дирекции Германского археологического института, мы можем только предполагать. Во-первых, что касается выбора темы, – скорее всего, она была продиктована пожеланиями организаторов, так как

Крым всегда привлекал внимание немецких археологов в качестве приоритетной области исследования. Тогда как для Жукова это было относительно новое направление по сравнению с более знакомыми и близкими волжско-окскими стоянками. В пользу разграничения и обособленности этих тем говорит и довольно резкий переход повествования к неолиту Верхнего Поволжья. Именно эта часть доклада, как и вторая половина его названия, вероятно, были обусловлены личным выбором московского палеоэтнолога. Во-вторых, некоторый схематизм изложения материала также следует отнести на счет требований редакции сборника к печатному тексту сообщений. Некоторые разногласия могли возникнуть и относительно объема статьи: несмотря на то, что она довольно лаконична для творчества Жукова – всего девять страниц, но почти в три раза превосходит доклады других авторов и, видимо, превысила допустимый лимит.

Борис Сергеевич, как явствует из его писем А.М. Тальгрону, посетил Германию впервые и был незнаком с немецкими археологами (Кузьминых, 2023). С кем из них он общался на съезде в рамках официальных мероприятий и неформального общения, мы сказать не можем. Контакты, установленные в Берлине, к сожалению, не могли быть прочными и продолжительными из-за трагических перипетий в судьбе ученого и в целом в отечественной науке на рубеже 1920–30-х гг. Далее Жуков, посетив ряд немецких научных центров, проследовал во Францию, а затем – в Данию, Швецию и Финляндию, где встречался со скандинавскими коллегами.

Несколькими годами ранее попытка установить контакты с немецкими собратьями по цеху все же была. Тем самым мы подходим к следующей теме нашего исследования – личным связям Жукова с иностранными археологами. Если не принимать во внимание обширную переписку ученого с Тальгреном, информация и материалы по данной теме более чем скудны. Вернее сказать, они исчерпываются одним-единственным письмом, обнаруженным в личном архиве первого штатного профессора древней истории Германии Геро фон Мергарта.

Г. Мергарт (1886–1959), австриец по происхождению, в годы Первой мировой войны как военнопленный офицер австро-венгерской армии попал в Сибирь, жил и трудился здесь

на протяжении почти семи лет, заведовал отделом доисторической археологии в Красноярском музее, внес весомый вклад в развитие сибирской археологии. Его труды были высоко оценены и признаны российскими археологами, особенно монография «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926). В Марбургском университете, в котором Мергарт долгие годы преподавал после возвращения на родину, сохранился богатый личный архив ученого, и что важно – его переписка с русскими коллегами. Среди этих материалов – и то самое единственное письмо Жукова. Этот значимый для истории науки документ, нигде доселе не публиковавшийся, довольно примечателен и обладает некоторыми уникальными чертами, отличающими его от писем других русских корреспондентов Мергарта.

Во-первых, инициатива в установлении контакта исходила от Жукова. В большинстве случаев инициатором отношений с русскими учеными являлся Мергарт, который был заинтересован в получении сведений и специальной литературы по российской археологии, необходимых ему для работы. Так было в случае с Б.Э. Петри, В.А. Городцовым, А.М. Тальгреном, А.В. Шмидтом и другими коллегами. Однако встреча Мергарта с Жуковым могла состояться и раньше. Летом 1921 г. по пути на родину австрийский археолог на месяц останавливался в Москве, где по просьбе Д.Н. Анучина, руководителя Московского археологического общества и учителя Жукова, выступал с докладами по сибирскому палеолиту в Обществе друзей Российского Исторического музея и МАО, общался непосредственно с Анучиным, Городцовым, познакомился с П.П. Ефименко; все они выступили с комментариями по докладам Мергарта. Вполне вероятно, что среди слушателей на этом заседании наряду с другими молодыми археологами и антропологами Москвы присутствовал и Жуков (в 1921 г. он закончил аспирантуру и стал преподавателем НИИ антропологии 1 МГУ), но тогда в силу каких-то соображений не посчитал нужным обратить на себя внимание.

Во-вторых, посредником между Жуковым и Мергартом выступил не Тальгрэн, хотя именно он чаще всего содействовал установлению контактов советских коллег с европейскими. На сей раз этому поспособствовал Н.К. Ауэрбах, красноярский археолог, ученик Город-

цова. Об этом факте становится известно не только из приведенного ниже письма Жукова Мергарту, но и из письма Мергарту самого Ауэрбаха: «Нового у нас по археологии ничего не выходило, кроме интересной работы Жукова по раскопкам Льяловской неолитической стоянки. Напечатана она в приложении к «Русскому антропологическому журналу» за 1925 г. кн. 1–2. Написал Жукову и просил его выслать эту книжку Вам» (АМУ, Ауэрбах – Мергарту. Без даты, предположительно 1926 г.).

В-третьих, обращает на себя внимание деловой тон письма: без излишней лирики, сантиментов и отступлений на бытовые темы и новости, ясно, лаконично и по существу – напоминает скорее стиль западноевропейского делового общения. С профессиональной точки зрения – отсутствие дискуссии, обсуждения памятников, уточняющих вопросов относительно находок и т. п. Все-таки области исследований Жукова и Мергарта практически не пересекались и отстояли довольно далеко друг от друга, если не считать их общего с Тальгреном интереса к древностям Фатьянова, Сеймы, Галича, Младшего Волосова. Традиционны в письме просьбы о литературе, обмене печатными работами, содействии в установлении контактов с организациями и научными учреждениями своих государств. Если говорить о нюансах «внутрицеховой кухни», т. е. отношений с коллегами-соотечественниками, то при чтении сразу бросается в глаза фраза о том, что Жуков работает «в ином уклоне по сравнению с московскими археологами». Под этим подразумевается то, что таким образом Борис Сергеевич сразу же противопоставляет себя взглядам и научной школе Городцова. Возможно, Жуков был в курсе конфликта Мергарта с Городцовым, который случился в 1924–1925 гг. (Детлова и др., 2014).

Упоминается в письме и имя финского археолога Аарне Михаэля Тальгрена (1885–1945), знакомого обоим ученым. Тальгрэн – известный специалист в области русской и в целом восточноевропейской археологии, планировавший как раз в то время издание журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*». О его выдающейся роли как связующего звена между советской и европейской наукой распространяться подробно не будем, об этом написано более чем достаточно (Кузьминых и др.,

2014; Детлова и др., 2019). Интересно другое, а именно: как в действительности относился финский ученый к своим многочисленным русским корреспондентам.

Так, в одном из писем Тальгрена Мергарту мы встречаем иронические и не всегда безобидные реплики в адрес советских коллег, вызванные их частными просьбами и вопросами. Под прицел критики Тальгрена в одном из писем попал и Жуков: «Подождите, мсье Геро, как Вы думаете, сколько людей в мире разделяют мои интересы? Ну, 4–5, из которых Вы – номер первый. Вы полагаете, в России есть таковые. Да, конечно, но русские пассивны и наивны. Что пишет, например, Худяков? Примерно так: «Дорогой Михаил Маркович. Я всегда, всегда говорю, что Вы сделали для нашей археологии столь колоссально много. Ваши заслуги незабвенны. Я знаю, что Вас интересуют все вопросы. И хочу Вас спросить, какого Вы мнения относительно двух курганов в селе Н.Н. в Вятской губернии. Их еще никто не исследовал. Не думаете ли Вы, что они относятся к бронзовому веку!». Или: «Я нашел череп. Каким временем его можно датировать?». Замечательно, не правда ли! Или профессор Жуков: «Дорогой Михаил Маркович. Как Вам понравилась моя выставка в музее в Москве?». Или проф. Рыков из Саратова: «Дорогой М.М. Я бы хотел узнать Ваше авторитетное мнение о татарском изразце» и т. д. Конечно, я немного иронизирую, но примерно так и выглядят письма, которые я массово получаю из России. А на мои собственные вопросы я ни разу не получил вразумительных ответов, часто вообще никакого ответа на первое письмо. С этими людьми вообще невозможно дискутировать на научные темы» (АМУ. Тальгрэн – Мергарту. 29.10.1925).

Если мы продолжим искать точки соприкосновения Жукова и Мергарта, то их тоже окажется немало.

Во-первых, это собственно палеоэтнология и подход к изучению памятников. Историографы характеризуют Мергарта то как представителя эмпирической школы, то как сторонника теории культурных кругов. Однако причислить его однозначно и безоговорочно к какому-то одному направлению или школе неправильно – научный стиль австрийского ученого вобрал в себя методы и подходы разных течений, и во многом они были

гораздо более близки к палеоэтнологическим, нежели к каким-то иным. К изучению любого памятника он подходил комплексно. Как и Жуков, самое пристальное внимание Мергарт, дипломированный геолог, уделял геологии и стратиграфии – особенно явственно это прослеживается в ранних работах, связанных с сибирскими палеолитом и неолитом. Детальная проработка и подробное описание географических условий, находок, внимание к картографии местности, анализ как всего комплекса, так и отдельных находок, их структурных элементов, построение схем, таблиц, предположения относительно очагов происхождения культур и распространения этих культур по территории Евразии, их развитие (прогресс или, наоборот, деградация) и трансформация – неперенные составляющие любого мергартовского исследования. И да – большое значение придается миграциям и заимствованиям. Наиболее полно научный стиль австрийского археолога воплотился в его самом известном труде – монографии «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926).

Позволим себе еще одно наблюдение в копилку схожести подходов Жукова и Мергарта. Речь о таком археологическом источнике, как керамика. Керамическому материалу как основополагающему маркеру культур Мергарт всегда придавал исключительное значение. Этой теме посвящена первая из его археологических работ, написанная еще во времена студенчества, – «Захоронения с расписной керамикой из Байльнгриса (Верхний Пфальц)» (Merhart, 1912). Знакомство с сибирскими древностями австрийский археолог также начал с находок фрагментов керамики в годы своего пребывания в Канске в 1916–1919 гг. Кроме того, в архиве ученого в Марбурге сохранилась его неопубликованная рукопись «Заметки о керамике Енисейской губернии», в которой он обобщил весь доступный ему на то время материал, связанный с сибирскими местонахождениями. Основная масса древних артефактов, с которой Мергарту довелось работать в Красноярском музее, это опять-таки керамический материал. К тому же в музей он поступил на должность реставратора, и больше всего ему приходилось иметь дело именно с реставрацией керамики (об одном из таких полукомичных-полутрагичных эпизодов своей «сибирской эпопеи», конфузе при реставрации неолитиче-

ского сосуда, живо и с юмором поведал автор в своих мемуарах «Далёко: картины из сибирских будней» (Merhart, 2008, S. 73)). Отмечая сходства и различия в технике и декоре, собственные керамике разных культур, Мергарт сделал вывод о существовании «евразийского государства гребенчатой керамики» – это его предположение разделял и А.А. Спицын, с которым австрийский археолог общался в Петрограде летом 1921 г. (Мергарт, 2019, с. 61).

Единственный компонент, который в работах Мергарта был исключен из рассмотрения, – этнологический. Отчасти это было продиктовано политическими причинами (нежеланием увязывать археологические культуры и древнейшее прошлое человечества с расовыми и национальными различиями и тем самым давать в руки тоталитарным режимам инструмент идеологических манипуляций), отчасти вызвано тем, что, по мнению ученого, ограниченность имеющихся источников, только лишь вещеведческий анализ не способны дать достаточно информации о носителях культур (Theune, 2001, S. 158, 159).

Помимо общих черт научного почерка ученых, еще одним немаловажным компонентом деятельности обоих можно назвать их выдающиеся успехи и заслуги на педагогическом поприще. Жуков подготовил звездную россыпь археологов и антропологов, прославивших российскую науку (О.Н. Бадер, М.В. Воеводский, А.В. Збруева, А.Е. Алихова, Е.И. Горюнова, Н.Н. Чебоксаров, М.Г. Левин, Г.Ф. Дебец, Т.А. Трофимова и др.). Мергарт был «отцом-основателем» своей научной школы археологии и за годы преподавания на кафедре древней истории Марбургского университета и руководства Марбургской семинарией древней истории дал путевку в жизнь многим выдающимся немецким археологам. Педагогические прямые Жукова и Мергарта пересеклись в судьбе Г.П. Сосновского, известного советского палеолитоведа. Сосновскому вообще несказанно повезло: он был учеником как минимум трех замечательных археологов – Б.Э. Петри, Г. Мергарта, Б.С. Жукова – и имел возможность почерпнуть лучшее из методик и взглядов на археологию своих наставников. Но если отношения Сосновского с Петри не сложились, то с Мергартом было наоборот: «единственным профессионалом», у которого он может чему-то научиться,

Сосновский считал Мергарта (АМУ. Сосновский – Мергарту. 25.10.1920). Ближе всех к нему был Мергарт и чисто по-человечески: своему наставнику молодой ученый сообщал о своих успехах и росте, испрашивал совета в разных жизненных ситуациях, поверял планы на будущее. Сосновский был самым аккуратным и самым «плодовитым» из русских корреспондентов австрийского археолога: их переписка продолжалась почти вплоть до конца 1920-х гг. и насчитывает более 30 писем. В своих письмах Сосновский часто упоминает других археологов, например, С.А. Теплоухова. Но о Жукове, как это ни странно, не пишет ни разу. Имя Жукова в контексте отношений Мергарта с российским научным сообществом вообще возникает лишь однажды – в письме Петри Мергарту в связи с проблемой вывоза археологических материалов за рубеж. Петри советует Мергарту обратиться за содействием к его «другу профессору Б.С. Жукову», который «заведует сейчас в Москве отделом Главнауки» (АМУ. Петри – Мергарту. 23.10.1927).

Завершая наш небольшой очерк о тех нитях, которые связывали Жукова с немецкой археологией и археологами, остается лишь с сожалением констатировать, что этот многообещающий российско-германский диалог был скоротечен и непродолжителен. Молния, увы, бьет по самым высоким точкам. Слишком незаурядна и заметна была фигура Жукова, чтобы не попасть под каток репрессий нача-

ла 1930-х гг. В тот период шла острая борьба в отечественном краеведении между учеными, группировавшимися вокруг Центрального бюро краеведения и выступавшими за бережное сохранение исторического наследия (и в их числе был Жуков), и их антагонистами (прежде всего молодыми марксистами) в лице Общества краеведов-марксистов, рассматривающих изучение той или иной народности исключительно с классовых позиций. В этой борьбе Жуков не мог остаться в стороне. В его аресте в сентябре 1930 г. свою фатальную роль сыграла и недавняя заграничная поездка, и переписка с иностранными учеными. Если бы Борис Сергеевич пожил подольше, то стал бы одним из признанных лидеров советской и европейской археологии, величиной мирового масштаба, не уступающей по известности и влиянию таким фигурам, как А.М. Тальгрэн, В.А. Городцов, А.А. Спицын, М.И. Ростовцев, Э.Х. Миннз и др. И конечно, история его отношений с немецкими археологами получила бы продолжение. Немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении документы, бесспорно, важны для реконструкции международного аспекта деятельности ученого. Однако есть еще немало моментов, которые нуждаются в более пристальном внимании и изучении (путешествие во Францию, детали пребывания в скандинавских странах). Надеемся, будущие исследования дадут на них ответы.

Примечание:

¹ Примечательно, что выступление Жукова предшествовало докладу корифея европейской археологии Гуго Обермайера, к фундаментальному труду которого «Доисторический человек» (Обермайер, 1913) в свое время учитель Жукова Д.Н. Анучин написал блестящее предисловие (Анучин, 1913).

Благодарности:

За возможность ознакомиться с документами из фондов Центрального архива Германского археологического института (Берлин) выражаем искреннюю признательность его сотрудникам: директору Евразийского отдела г-ну профессору Свенду Хансену, секретарю дирекции Евразийского отдела г-же Эльжете Рыбковской и сотруднице архива Иоганне Мюллер фон дер Хэген. За профессиональные консультации по вопросам терминологии палеолита сердечно благодарим д.ф.н., к.и.н., профессора А.М. Буровского (Санкт-Петербург) и ведущего научного сотрудника отдела палеолита ИИМК РАН, д.и.н. Л.Б. Вишняцкого (Санкт-Петербург).

Переводы с немецкого языка выполнены Е.В. Детловой.

*Приложение 1.***Письмо Б.С. Жукова в дирекцию Археологического Института Немецкого Рейха***(рукопись, немецкий язык)*

7.05.1930

Уважаемые господа коллеги!

Несколько дней назад я послал вам корректуру моего доклада «Тарденуаз в Крыму». Эту корректуру я получил лишь 10–12 апреля (она была отправлена в феврале), так что досадная задержка корректуры произошла не по моей вине.

Так как почта не всегда регулярна, то я пользуюсь случаем, чтобы уведомить вас, что получил ваше извещение от 15.01. о моем избрании членом-корреспондентом в связи с организованным Институтом Винкельмановским праздником, и глубоко признателен за высокую честь. Я сразу же послал вам просимые сведения. Но теперь я терзаюсь сомнениями, получили ли Вы это письмо, потому что после того я не получил известий из Института.

С глубоким уважением,

Борис Жуков

Профессор, доктор Борис Сергеевич Жуков, доцент I Московского университета. Адрес: Зубовский бульвар, 15, кв. 22, Москва 21.

Приложение 2.

Доклад Б.С. Жукова «Тарденуаз в Крыму. Неолит в Поволжье» [Schukov B.S. Tardenoisien in der Krim. Neolithikum im Wolgagebiet // Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929. Berlin: Walter de Gruyter, 1930. S. 281–290].

Работы о фазах тарденуаза в Крыму хорошо известны в западной литературе, а именно по результатам раскопок в гроте Кизил-Коба, которые были проведены в 80-е гг. прошлого века Мережковским¹. С тех пор до 1920-х гг. это исследование культур не пополнялось новыми материалами. Только в 1920-х гг. геологу Моисееву² и г-же Висниовской на основании новых археологических изысканий удалось выявить множество местонахождений тарденуазской кремневой индустрии. Эти места находились в своеобразных географических условиях: вблизи источников, преимущественно на нагорье расположенного выше всех, возвышающегося на 1000 м над уровнем моря горного хребта на территории Ялты, в карстовом ландшафте, а также на горных склонах. При изучении этих местонахождений Моисеев произвел пробные раскопки, причем горизонты тарденуазских отложений удалось зафиксировать непосредственно под дерном или немного глубже. Т.к. толщина земляного пласта, который покрывает каменный массив горных склонов, незначительна, то были веские причины предположить вымывание этого верхнего земляного слоя, так что русские археологи пришли к убеждению, что все открытые тарденуазские стоянки Крымского высокогорья смыты и вымыты. Отсюда вытекало заключение, что едва ли следует надеяться на открытие целого комплекса находок на этих стоянках, хотя на его поверхности наряду с кремневыми орудиями нередко находят железные наконечники стрел и византийскую керамику. Противу этого пояснения Моисеева, что на некоторых стоянках выявлены еще хорошо сохранившиеся слои и что в них иногда попадаются обломки сырой керамики и останки животных, не произвели особого впечатления, тем более что эти пояснения давались неспециалистам.

Когда в 1926 г. я был в Ялте, то был пленен богатыми сборами Моисеева в тамошнем музее. При их осмотре среди прочего мне бросился в глаза плоский камень с зигзагообразным орнаментом из богатой, но сильно разрушенной тарденуазской стоянки, известной как Балин-Кош. Невольно напрашивалось сравнение этой находки с галькой из Мас-д'Азиля.

В следующем, 1927, году мне удалось приступить к систематическому изучению стоянок на нагорье. Это исследование, в котором в 1927–1928 гг. приняли участие мой ассистент Бадер, а также и другие сотрудники, и мои ученики, состояло сначала в розысках, которые предприняли выделенные специально для этого группы сотрудников на тарденуазских местонахождениях, в ходе которых они произвели съемку местности (картографию) и составили описание таковой. Для установления наличия культурного слоя были проведены пробные раскопки. На основании этих розысков затем были начаты раскопки, там, где можно было рассчитывать на успех³.

Таким образом было обследовано несколько местонахождений в области плоскогорья Ай-Петри. На каждом были собраны кремневые орудия, также на стоянке Балин-Кош, которая была признана полностью разрушенной, но все же дала более 6000 тарденуазских находок, среди них – сотни обработанных кремней. В то же самое время были проведены раскопки на двух других стоянках, из которых первая, Ат-Баш, находится вблизи крутого, обращенного к морю скальному обрыву непосредственно над курортом Симеиз. Другая расположена немного дальше на северо-восток, на склоне горы, неподалеку от пруда в бывшем Юсуповском имении.

Лагерная стоянка Ат-Баш залегает в типичном карстовом ландшафте на месте источника. Если пройти примерно 200 м, попадешь на край крутого склона Ай-Петри, где на высоте 1200 м открывается великолепный вид на море и на лежащий далеко внизу на побережье поселок Симеиз. На противоположной стороне на расстоянии 4–5 км начинаются густые лиственные леса крымского высокогорья, в которых еще водятся олени. В ходе раскопок были вскрыты протяженные участки немного пологой лужайки, вплотную прилегающей к скальному склону, который защищает стоянку на северо-западе. Разрез выявил следующее напластование почв:

На глубине от 0 до 15–20: дерн и слой гумуса.

На глубине от 20 до примерно 35–40 см: слой из светлой, желтоватой глины с мелкими вкраплениями известняка, немного измененной структуры.

На глубине от примерно 40 см до 1 м и более: слой из плотной желтой глины с темно-коричневыми железосодержащими включениями, которые указывают на химически выветренные известняки.

Еще глубже залегает слой из вязкой глины, которая заполняет углубления скрытого скального основания и на его поверхности.

Находки происходят отчасти из второго слоя глины с частицами известняка, а также и из верхних залеганий слоя с железосодержащими включениями.

Хотя возраст четвертичных формаций Крыма именно в этой области геологами еще недостаточно изучен, можно допустить, что слой с железистыми включениями – один из наиболее древних.

На глубине, которая соответствует горизонту тарденуазских отложений, эта стоянка в части шахтного ствола раскопок переходит в отчетливо окрашенный темный культурный слой. А тот в форме линзы покоится на скрытом внизу природном скальном рельефе, который образовывал своего рода мульду 2 м в диаметре. Сама эта мульда, как было установлено, включает еще два довольно больших камня. Линзовидный культурный слой содержал вкрапления с остатками золы, маленькие кусочки угля и заполнял все трещины и изгибы скального основания. Кроме обычных тарденуазских объектов из камня здесь был найден обломок днища небольшого сосуда.

Когда мы анализировали условия залегания тарденуазских находок, отметили, что в Ат-Баше сохранился культурный слой *in situ*, который содержит тарденуазскую индустрию и архаичную керамику, что основная масса тарденуазских находок залегает в этом ареале и на соответствующей глубине и что верхний слой находок можно рассматривать как вторичное отложение, которое могло возникнуть путем вымывания более древних отложений в верхней части местонахождения. В этой верхней части порой встречаются также обломки византийской керамики, что полностью подтверждает наше предположение. Схожие условия залегания тарденуазской индустрии были установлены и в ходе раскопок стоянки у пруда бывшего имения Юсуповых, где тарденуазская индустрия была обнаружена вместе с фрагментами керамики, которые оказались полностью идентичными найденным в Ат-Баше.

Таким путем стоянка Ат-Баш и стоянка на месте бывшего Юсуповского пруда⁴ дали целый комплекс тарденуазских каменных орудий, который относился к определенной ступени развития. Эти комплексы в целом довольно близки друг другу, но различаются некоторыми типами и количественным соотношением. Обе стоянки дали орудия, изготовленные из довольно массивных обломков, преимущественно скребла. Показательны большие и маленькие круглые скребла. Типичны для обеих стоянок также призматические и пирамидальные, плоские нуклеусы, ребристые пластинки, первичные продукты раскола нуклеуса и масса лезвий различной величины. На части выявляются следы резки, другие ретушированы вдоль режущей кромки спинки или с гладкой стороны. Также есть экземпляры, которые выполнены в изогнутых линиях и относятся к типу «*lame a encoche*» («пластина с выемкой») или «*lame denticulee*» («зубча-

тая пластина»). Далее есть лезвия с притупленной вертикальной ретушью по краю и иные, в целом не столь многочисленные. Одиночно появляются burins («резцы») поздненеолитического облика. Довольно многочисленны «grattoirs sur bout de lame» («концевые скребки на пластинах»), имеющие порой довольно тонкие и изогнутые, круглые или прямые лезвия.

Не останавливаясь на других типичных предметах, мы переходим к геометрическим формам. Среди них мы видим прямоугольные, сегментовидные и трапециевидные, с плоской ретушью на спинке, которые характерны для поздней фазы тарденуаза. Среди прочих следует упомянуть крохотное орудие, похожее на маленький «tranchet» («топорик»).

Особенный интерес представляет сопутствующая керамика. Это фрагменты грубого, слабо обожженного изделия, с заостренным дном и орнаментом на шейке, которые напоминают по форме керамику датского кьеккенмеддинга. Кроме фрагмента днища из жилого слоя Ат-Баша и нескольких обломков из слоя непосредственно окрестностей и Юсуповского пруда подобные фрагменты найдены на стоянках Балин-Кош. Аналоги, но с орнаментированными фрагментами керамического дна мы встречаем как уже архаичную форму раннего неолита Поднепровья.

Наконец, нужно еще отметить продолговатые камни и пластинки известнякового сланца с зигзагообразным орнаментом, которые были открыты на разрушенном местонахождении Балин-Кош. Т.к. находки кремневых инструментов и керамики Балин-Кош близки, то, вероятно, можно допустить сопоставление орнаментированных камней с окрашенной галькой Мас-д'Азиль. Резюмируя вышесказанное, мы можем констатировать: 1. Находки обследованных нами стоянок Крыма представляют позднюю фазу тарденуазской культуры, причем к этой культуре примыкают богатые комплексы форм каменной индустрии. 2. Тарденуазская культура Крыма родственна тарденуазской культуре Средиземноморья и Западной Европы и одновременно имеет признаки, которые позволяют сделать вывод об общности этих культурных элементов с таковыми схожих культур маглемозе Мас-д'Азиль и более древних датских мусорных куч (груды моллюсков); 3. О возрасте фаз тарденуазской культуры в Крыму пока нельзя сказать ничего окончательного; если этот возраст все же соответствует основным связям, которые возникли между тарденуазскими культурами Средиземноморья и Крыма как давней провинции этой области, то в сужающихся фрагментах дна гончарных изделий Балин-Кош и Ат-Баш мы располагаем, вероятно, древнейшими керамическими находками Европы.

Очевидно, что тарденуазская культура Крыма не была культурой рыболовов и охотников, вследствие чего опровергается связь микролитов с рыболовством. В Крыму такая культура могла исходить только от населения, которое посещало высокогорье во время летней охоты, т.к. зимой Ай-Петри лежит в глубоком снегу. В качестве зимних жилищ этим людям могли служить пещеры окраинных гор, в которых прежде Мережковский⁵, а совсем недавно Бонч-Осмоловский⁶ установили слои нескольких фаз тарденуазской культуры.

В ходе экспедиций, которые в последние годы были проведены под моим руководством в центральных областях Восточной Европы, было раскопано несколько дюжин местонахождений неолита и эпохи раннего металла⁷. Кроме местонахождений, которые были исследованы впервые, среди них находятся и такие, которые были известны уже со времен ранних раскопок – стоянки Волосово, Балахна и Сейма, откуда был получен новый материал для контроля ранних наблюдений. Все эти местонахождения находятся в области Волги и Оки, по большей части в лесной зоне, а также вблизи водоразделов восточноевропейских рек, которые связывают эту область с Балтийским, Черным, Каспийским и Белым морями. Среди этих памятников, как, например, Языково, есть стоянки на дюнах и стоянки в алювиальной почве.

При обследовании этих памятников материал отдельных слоев можно объединить; порой внутри этих слоев можно было выявить керамические группы, которые различались по своей морфологической форме. Таким образом получилось несколько керамических комплексов, которые можно было определить стратиграфически и локально; при их анализе удалось выявить некоторые особенности этого неолита.

Неолит лесной зоны Восточной Европы развивался на основе взаимодействия трех следующих более древних компонентов: 1. Местной эпипалеолитической культуры. 2. Сильного влияния культур с макролитами (тип южно-балтийских культур и маглемозских кьеккенмеддингов) и 3. Пришедших с юга влияний архаичных микролитических культур (тип тарденуазских). Другими основными чертами неолита лесной зоны европейского Севера являются: 1. Типы хозяйствования, которые подразумевают лишь охоту и рыбную ловлю. Домашние животные

отсутствуют, за исключением собак, нет следов земледелия. 2. Отсутствие погребальных ритуалов.

Человеческие скелеты найдены исключительно в культурных слоях стоянок; это были частью костные останки, которые лежали недалеко от очага, и в редких случаях – правильно уложенные скелеты, как, например, на стоянке Языково. Здесь найдены два скелета, которые были разделены в ходе мелиорационных работ, но части которых остались неповрежденными; они лежали спиной вверх. 3. Наличие остатков жилищ, которые, по моему мнению, относятся к типу прямоугольных землянок. Подобные хижины еще сегодня можно встретить в некоторых областях у русских крестьян. Они служат временными пристанищами во время рыбной ловли или лесозаготовительных работ.

Как известно, к типичным инструментам этого неолита относятся необработанные топоры, тесла и долота, которые по типу приближаются к *Walzenbeils*⁸. Сюда же относятся некоторые, возможно, связанные с примитивным анимизмом, элементы натуралистического искусства и декорированная гребенкой керамика. Не приступая к территориальной и хронологической дифференциации каменной индустрии, здесь я рассмотрю лишь керамику. Старейшей керамикой нашего лесного неолита до сих пор считается грубый сосуд с толстыми стенками, который состоит из смеси глины и гальки. Эта керамика имеет элементы штрихованного орнамента. Впервые я открыл ее в 1928 г. в древнейшем пласте стоянки Языково⁹. Ее праформа пока не известна. Очевидно, она приближается к типу эсбо–сперрингс в Финляндии, которую в 1926 г. опубликовал Аарне Европеус¹⁰.

Хорошо известный ранний тип изделий, обозначенных Айлио как гребенчатая керамика¹¹, – эта фаза названа мной «ямочно-гребенчатой керамикой архаичного стиля». Это керамика с округлым днищем и слабо выделенной шейкой, с орнаментом в виде простых лент из оттисков ямок и гребенчатого штампа. Орнамент покрывает весь сосуд. Эта керамика типична для стоянки Льялово в Московской губернии¹². Как ее производное появляется изделие подобной формы со сложным, частично зигзагообразным орнаментом. Некоторые части сосудов остаются свободными от этого декора. Данная керамика типична для базового комплекса стоянки Языково¹³.

Как показывает стратиграфия в Льялове и Языкове, эта керамика относится ко времени, которое предшествовало образованию верхнего горизонта затопленных в торфяных болотах древесных остатков. Она, очевидно, относится к концу атлантического периода балтийского климата.

Далее эта керамика дает дериваты вида собственно гребенчатой керамики. Данные комплексы имеют локальные различия. На Волге, недалеко от Нижнего Новгорода, эти производные формы появляются преимущественно с гребенчатыми элементами, которые образуют скудный орнамент, в частности, на шейках сосудов. Величина сосудов возрастает. Другой дериват в западных областях представляет собой котлообразные изделия с толстыми стенками. Глина смешана с галькой и птичьим пухом. Декор состоит из вертикальных лент и из больших и длинных гребенчатых мотивов, которые образуют узор «елочкой».

Вместе с этими локальными модификациями керамики в лесных культурах появляются сосуды, которые имеют напоминающий плетеные изделия декор. Сосуды такого рода еще сохраняют старую форму дна, но шейка выражена более отчетливо. Развитие данной архаичной текстильной керамики неолитических местонахождений происходит явно в первой половине I тыс. до н.э. Это является переходом культур лесного неолита в железный век. Повсеместно в процессе развития возникает плоское дно сосуда, а сама керамика приобретает тип, подобный известному из укрепленных городищ, который мы обозначаем группой памятников Дьяково. Здесь изменение образа жизни обусловлено появлением домашних животных, земледелия и металлообработки.

Так в свете моих исследований происходит нормальное завершение неолита на Волге и Оке в середине I тыс. до н.э. Но это закономерное развитие локального лесного неолита прерывается на некоторых участках исследуемой области. В различные периоды вторгаются культуры из других областей; так с Балтики приходит культура ладьевидных топоров и шаровидной керамики, которые представлены на Волге в фатьяновской культуре. С юга из степей Окской области вливаются некоторые бронзовые культуры с характерной керамикой. Наконец, область

гребенчатой керамики подразделяется на несколько секторов, и вследствие чуждых влияний образуются комбинированные культурные типы.

Затем чередуется несколько областей, в которых развивается не менее трех типов культур железного века. Позднее выделяются дериваты, которые могут быть связаны с финскими культурами, тогда как в северных диких лесных областях еще существуют неолитические культуры.

Взаимосвязи между лесным неолитом и культурами металлического периода становятся яснее после проведения раскопок. В формировании локальных и хронологических культурных комплексов прослеживается ряд закономерностей. Тем самым выявляются некоторые изменения в классификации гребенчатой керамики европейского Севера, которую предложил профессор Ю. Айлио¹⁴.

Приложение 3.

Письмо Б.С. Жукова Г. Мергарту *(рукопись, русский язык)*

21 [28]. 03. 26

Глубокоуважаемый коллега!

Н.К. Ауэрбах¹⁵ сообщил мне о выраженном Вами желании установить дружественную научную связь с нашим Антропологическим Институтом, которая до сих пор Вам не удавалась. Со своей стороны я несколько месяцев тому назад сделал также подобную попытку, послав через «Общество культурной связи»¹⁶ на Ваше имя некоторые работы. Очевидно, что эта посылка до Вас не дошла. Теперь я посылаю Вам новую посылку с книгами и очень прошу Вас не отказать известить меня об ее получении. Зная по Вашим работам и по сообщениям проф. Тальгрена о Вашем интересе к доистории Восточной Европы и Сибири, я очень рад предоставить в Ваше распоряжение некоторые работы по неолиту, которые удалось издать за последние годы. Как Вы увидите из статьи о Льяловской стоянке¹⁷, я работаю в ином уклоне по сравнению с московскими археологами. Я веду преподавание палеоэтнологии по Антропологическому Институту Московского университета и в последние годы особенно занят, помимо разработки ряда проблем неолита и ранне-металлических культур, разработкою вопросов полевой, лабораторной и музейной палеоэтнологической методологии¹⁸.

Льщу себя надеждою, что Вы известите меня о получении посылаемых мною Вам отписок и не откажете выслать мне со своей стороны отписки Ваших работ.

Антропологический Институт делал неоднократно попытки вступить в обмен с редакциями периодических изданий в Австрии, но до сих пор получает лишь «Mitteilungen»¹⁹. Быть может, Вы могли бы сообщить об этом редакции «Wiener Prehist[orische] Zeitschrift»²⁰. Институт может выслать в обмен свои «Труды».

Примите, коллега, уверения в моем искреннем к Вам уважении.

Бор. Жуков

Борис Сергеевич Жуков, Антропологический Институт I Московского университета.
Москва, Моховая 11.

Примечания:

¹ См. Формозов, 1961, с. 76–78.

² См. Моисеев, 1920, с. 297–303; 1923, с. 122–125.

³ См. Археологические... 1962, с. 50, 51.

⁴ См. Бадер, 1940.

⁵ См. Формозов, 1961, с. 76–78.

⁶ См. Бонч-Осмоловский, 1926.

⁷ См. Археологические... 1962, с. 8, 12, 18, 19, 25, 30, 31, 38–40.

⁸ Так именовались подобные изделия в немецкой археологической литературе.

⁹ См. Жуков, 1929а.

¹⁰ См. Europaëus, 1925.

¹¹ См. Ailio, 1922, S. 35–43.

¹² См. Жуков, 1925; 1927а.

¹³ См. Жуков, 1929а.

¹⁴ См. Ailio, 1922, S. 44–58.

¹⁵ Ауэрбах Николай Константинович (1892–1930), археолог, историк, краевед, библиограф; см. подробнее: (Громов, 1931; Вдовин, Макаров, 2015; Архив ИАЭТ. Ф. 2).

¹⁶ «Общество культурной связи с заграницей» или Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) — советская общественная организация, основанная в 1925 г. В 1958 г. преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

¹⁷ См. Жуков, 1925.

¹⁸ См. Жуков, 19276, 19296.

¹⁹ «Mitteilungen» — имеется в виду «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien» — журнал Венского антропологического общества, издаваемый с 1870 г.

²⁰ «Wiener Prähistorische Zeitschrift» — журнал, издаваемый Венским обществом первобытной истории с 1914 г.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин Д.Н. Предисловие // Обермайер Г. Доисторический человек / Пер. с нем. П.Ю. Шмидта. Предисл. Д.Н. Анучина. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. С. XI–XXIII.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.

Бадер О.Н. Изучение эппалеолита Крымской яйлы // СА. Т. V / Отв. ред. В.В. Струве. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 93–100.

Бонч-Осмоловский Г.А. Доисторические культуры Крыма // Крым. 1926. № 2. С. 74–94.

Вдовин А.С., Детлова Е.В., Макаров Н.П. «Я только учусь работать, и каждый Ваш совет и в особенности критические замечания послужат мне только на пользу»: Г.П. Сосновский в 1918–1922 гг. // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых / Отв. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПФ АРАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 104–123.

Вдовин А.С., Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах — ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 16–25.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.

Громов В.В. Николай Константинович Ауэрбах (1892–1930) // СГАИМК. 1931. № 2. С. 31–32.

Детлова Е.В. С.А. Теплоухов и Геро фон Мергарт: диалог длиною в век // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 157–165.

Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В.А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки // Stratum plus. 2014. № 1. С. 211–227.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М.П. Грязнова и Г. Мергарта // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 112–121.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Малов Н.М. П.С. Рыков и П.Д. Рау в зеркале переписки с учеными Западной Европы (А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Э.Х. Миннз, Т. Арне) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15 / Под ред. В.А. Лопатина. Саратов: СГУ, 2019. С. 224–298.

Дложевський С.С. 1-й Міжнародній З'їзд археологів у Берліні // Україна. 1929. Кн. 6. С. 173–175.

Жуков Б.С. Неолитическая стоянка вблизи с. Льялова, Москов. уезда // Труды Антропологического института. Вып. I / Ред. В.В. Бунак. М., 1925. С. 37–78. (Прилож. к РАЖ. Т. XIV, вып. 1–2.)

Жуков Б.С. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова Московского уезда // Русский антропологический журнал. 1927а. Т. 16. Вып. 1–2. С. 58–75.

Жуков Б.С. Из методологии изучения культур стоянок и городищ (Автореферат) // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е Сопещание палеоэтнологов Центрально-Промышленной области 27–29 мая 1926 года / Ред. Б.С. Жуков и О.Н. Бадер. М.: Гос. музей ЦПО, 19276. С. 13–18.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929а. № 1. С. 54–77.

Жуков Б.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп: (По материалам волго-финских погребенных культур) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной обла-

сти: (Этнологические исследования и материалы): 2-е совещание этнологов ЦПО 7–10 декабря 1927 г. / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М., 1929б. С. 31–35.

Кузьминых С.В. Письма Б.С. Жукова А.М. Тальгрёну (1924–1929 гг.) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 8–66.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонон И.Е. А.М. Тальгрён и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41.

Мергарт Г. Воспоминания о Советской России. Письма / вступит. статьи, публ., коммент. Е.В. Детловой и С.В. Кузьминых; Отв. ред. А.С. Вдовин. Красноярск: КККМ, 2019. 100 с.

Моисеев А.С. Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле и на Южном берегу Крыма // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1920. № 57. С. 297–303.

Моисеев А.С. Каменный век на Крымской яйле // Природа. 1923. № 7–12. С. 122–125.

Обермайер Г. Доисторический человек / Пер. с нем. П.Ю. Шмидта. Предисл. Д.Н. Анучина. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. XXIV, 687 с.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: АН СССР, 1961. 128 с.

Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit. Helsingfors, 1922. 110 s. (Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft; T. XXIX: 1.).

Europaеus A. Stenålderskeramik från kustboplatser i Finland // Nordiska arkeologimötet i Helsingfors / Ed. C.A. Nordman. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1927 Pp. 45–77. (SMYA; Vol. XXXVI: 1).

Merhart G. Gräber mit bemalter Keramik aus Beilngries (Oberpfalz) // Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns. München, 1912. S. 37–55.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll&Co, 1926. 190 s.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen / Ed. by H. Parzinger. Wien: Böhlau, 2008. 287 s.

Schukov B.S. Tardenoisien in der Krim. Neolithikum im Wolgagebiet // Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929. Berlin: Walter de Gruyter, 1930. S. 281–290.

Theune C. Gero von Merhart und die archäologische Forschung zur vorrömischer Eisenzeit // Eine hervorragend nationale Wissenschaft. Deutsche Prähistoriker zwischen 1900 und 1995. Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2001. S. 151–168.

Информация об авторах:

Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей (г. Красноярск, Россия); detlova2012@yandex.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Наглер Анатолий Оскарович, доктор археологии, научный сотрудник Евразийского отдела, Германский археологический институт (г. Берлин, Германия); anatoli.nagler@dainst.de

REFERENCES

Anuchin, D. N. 1913. In Obermayer, H. *Doistoricheskiy chelovek (Prehistoric man)*. Saint Petersburg: “Brokgauz-Efron” Publ. (in Russian).

In Voronin, N. N., Tikhanova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (1919–1956 gg.): Ukazatel' (Archaeological Expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (1919–1956): Index)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bader, O. N. 1940. In Struve, V. V. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* V. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 93–100 (in Russian).

Bonch-Osmolovsky, G. A. 1926. In Krym (*Crimea*) 2, 74–94 (in Russian).

Vdovin, A. S., Detlova, E. V., Makarov, N. P. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evraziiskii arkeologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection of Papers)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoïarsk: Krasnoïarsk State Pedagogical University Publ., 104–123 (in Russian).

Vdovin, A. S., Makarov, N. P. 2015. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 48 (3), 25–30 (in Russian).

Gening, V. F. 1982. *Ocherki po istorii sovetskoï arkheologii (U istokov formirovaniia marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoï arkheologii. 20-e – pervaiia polovina 30-kh godov) (Essays on the History of Soviet Archaeology (At the Origins of the Marxist Theoretical Background of Soviet Archaeology))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Gromov, V. V. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 2, 31–32 (in Russian).

Detlova, E. V. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 157–165 (in Russian).

Detlova, E. V., Burovsky, A. M., Kuzminykh, S. V. 2014. In *Stratum plus (Stratum plus)* 1, 211–227 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï (Theory and practice of archaeological research)* 10 (2), 112–121 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V., Malov, N. M. 2019. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 15. Saratov: Saratov State University, 224–298 (in Russian).

Dlozhevs'ky, S. S. 1929. In *Ukraina (Ukraine)* 6, 173–175 (in Ukrainian).

Zhukov, B. S. 1925. In Bunak, V. V. (ed.). *Trudy Antropologicheskogo institute (Proceedings of the Anthropological Institute)* 1. Moscow: Anthropological Institute, 37–78 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1927a. In *Russkiy antropologicheskii zhurnal (Russian Anthropological Journal)*, 16 (1–2), 58–75 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1927b. In Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). *Materialy k doistorii Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial Region, 13–18 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929a. In *Etnografiya (Ethnography)* 1, 54–77 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929b. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniia Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial Region, 31–35 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 8–66 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V., Salminen, T., Safonov, I. E. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 7–41 (in Russian).

Megart, G. 2019. *Vospominaniia o Sovetskoy Rossii. Pis'ma (Memories of Soviet Russia)*. Krasnoïarsk: Krasnoïarsk Regional Museum of Local Lore (in Russian).

Moiseev, A. S. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 57, 297–303 (in Russian).

Moiseev, A. S. 1923. In *Priroda (Nature)* (7–12), 122–125 (in Russian).

Obermayer, H. 1913. *Doistoricheskii chelovek (Prehistoric man)*. Saint Petersburg: “Brokgauz-Efron” Publ. (in Russian).

Formozov, A. A. 1961. *Ocherki po istorii russkoï arkheologii (Essays on the history of Russian archaeology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ailio, J. 1922. *Fragen der russischen Steinzeit. Helsingfors. Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft*. Vol. XXIX: 1.

Europaeus, A. 1927. In Nordman, C.A. (ed.). *Nordiska arkeologimötet i Helsingfors*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XXXVI: 1. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 45–77 (in Swedish).

Merhart, G. 1912. In *Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns*. München, 37–55.

Merhart, G. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Anton Schroll&Co.

Merhart, G. 2008. *Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien: Böhlau.

Schukov, B. S. 1930. In *Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929*. Berlin: Walter de Gruyter, 281–290.

Theune, C. 2001. In *Eine hervorragend nationale Wissenschaft. Deutsche Prähistoriker zwischen 1900 und 1995. Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2001. S. 151–168.

About the Authors:

Detlova Ekaterina V. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Dubrovinsky, Str. 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; detlova2012@yandex.ru

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Nagler Anatoly O. Doctor of Historical Sciences, Researcher of the Eurasian Department, German Archaeological Institute. Podbielskiallee 69-71, Berlin, 14195, Germany; anatoli.nagler@dainst.de

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.